

объяснено лишь в соответствующем контексте, каковым являются „обряды пути“», — пишет о Суибне один из исследователей [4, с. 205], и, надо отметить, мнение это стало в анализе легенды «общим местом». «Geltacht — это временный уход от нормальной жизни, лиминальная фаза в процессе инициации индивида или группы при обретении определенного статуса», — пишет о Суибне другой исследователь 10 лет спустя [5, р. 44]. Фигура Суибне имеет огромное количество литературных и фольклорных параллелей: Энкиду и Навуходоносор, Ивейн и Кухулин, Ланселот и Тристан и т. д. «Фигура geilt, — пишет А. Пэтридж, — является своего рода литературным архетипом, в описании которого литературность превалирует над реальным описанием невротика или психотика» [6, р. 25].

Однако при обилии литературных параллелей наиболее близким по основной фабуле и элементам сюжета к легенде о Суибне оказывается валлийское предание о Мерлине-Морбانه, что позволило ирландскому исследователю Дж. Карни прийти к выводу, что «повесть о Суибне и повесть о Мерлине, как рассказана она в „Жизни Мерлина“, есть одна и та же повесть» [7, р. 385]. Опубликованная Дж. Карни впервые в середине 50-х годов и вызвавшая затем ряд отдельных конкретных замечаний, гипотеза британского происхождения легенды о Суибне в целом не была опровергнута, и до сих пор на нее опираются исследователи этого предания.

Принятие гипотезы о валлийском происхождении сюжета легенды влечет за собой предположение, высказанное еще Х. Педерсеном [8, р. 96], о заимствовании самой лексемы geilt из британского gwyllt ‘дикий’ (кстати, один из постоянных эпитетов Мерлина). Противником этого предположения, подержанного Дж. Карни, выступил К. Джексон, утверждавший, что валлийская и ирландская лексемы являются результатами параллельного развития общекельтской лексемы с общим значением ‘дикий’, имеющей g- в анлауте [7, р. 386]. Однако данные германских языков, как представляется, этому утверждению противоречат. Так, еще Х. Педерсен, приводя примеры валлийско-ирландских соответствий gw- и g-, восходящих к общекельтскому g-, делает далее оговорку, что «к этому не относятся кимр. gwyllt ‘дикий’, корн. gwylys, др.-брет. gueldenes, глоссируемое как insula indomita, в которых сопоставление с готск. wilþeis ‘дикий’ предполагает w- в анлауте; ирл. geilt ‘дикий’ или имеет отличную этимологию, или является британским заимствованием» [8, S. 96].

Действительно, интересующая нас лексема с общим значением ‘дикий’ широко представлена и в германских языках (ср. готск. wilþeis, др.-исл. villr, др.-англ. wilde, др.-верхненем. wildi и др.), что доказывает ее принадлежность к кельто-германскому слою индоевропейского словаря, однако единого мнения о структуре генетических взаимодействий указанных корней нет, хотя их общее происхождение от реконструируемой формы *ghweltios несомненно. В этимологическом словаре де Фриса др.-сканд. villr предположительно рассматривается как заимствование из валл. gwyllt, что, на наш взгляд, противоречит историческим данным.

В Большом оксфордском словаре в статье относительно слова wild высказывается предположение о возможности возведения лексемы *ghweltios к инд.-европ. *g^hwer- ‘дикое животное’, но, как отмечается далее, «гораздо вероятнее, что др.-герм. *wilþias представляет собой рефлекс прагерм. *g^hweltios, корень, встречающийся также в валл. gwyllt, ирл. geilt ‘дикий’, и может иметь параллельные формы в (рефлексах) g^hwer-, основой лат. fagus, греч. φῆρ русск. «Зверь» [9, р. 121]. Данное предположение, как нам кажется, могло бы быть подтверждено, во-первых, отсутствием рефлексов инд.-европ. *g^hwer- в кельтских и германских языках, во-вторых, совпадением значения, и, в-третьих, допустимостью соответствующих фонетических корреляций. Первое и второе условия в данном случае выполняются, что же касается третьего, то ср., например, у Э. Бенвениста: «Излишне напоминать, что во многих случаях l является простым дублетом r. Близкое родство обоих плавных звуков подтверж-